

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ, О ЧЕМ СПОРИМ ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ...

Кирилл ДАВРОВ,
народный артист СССР

□ □

СТРАННАЯ, если задуматься, наша профессия — актер. Сегодня, на дневном спектакле, я живу в семье мещан Бесеменовых, потому что я их приемный сын, паровозный машинист Нил. Вечером переносюсь лет на сто назад, превращаюсь в Городничего, рычу на купцов: «У-у, протобестии, жаловаться!» И заискиваю перед приезжим ревизором. А ночью — поезд или самолет, и утром ты уже на съемках фильма в солдатской шинели...

Когда незнакомые люди встречают меня на улице, кого узнают они, кого вспоминают они во мне? Ведь не я же лично, артист Ленинградского академического большого драматического театра имени М. Горького, вызываю их внимание? Это интересно к тем, кого я сыграл, кто чем-то тронул зрителей, запал в сердце, заставил задуматься. Чем тронул? Почему? Ведь, встречаясь со зрителями в том или ином образе человека, давно ли, недавно ли жившего, мы всегда встречаемся сегодня. И встреча эта служит зрителям сегодняшним, а не минувшим и должна быть плодотворной для нашего времени.

А время повелительно требует повышения гражданской ответственности за дело, которому ты служишь. Возьмите спектакль, хороший спектакль. Через пять лет он иной, чем на премьере. Нет, он не разболтался, не стал хуже. Но стал иным. Что-то изменилось за этот срок в жизни, в зрительном зале. А значит, должно было измениться и на сцене, в игре актеров.

Я иногда думаю, как играли бы сегодня такие актеры, как Щепкин, Мочалов, Юрьев. Несомненно, прекрасно: ведь это были великие актеры. Но для меня несомненно и другое — они играли бы иначе, чем тогда, в свое время. Они умели отзываться своим искусством на запросы своего времени.

Сейчас много говорят о том, что современный театр стал режиссерским, что в общем зрительском впечатлении от спектакля главную роль играет замысел режиссера, его решение, прочтение пьесы. Так ли это? Даже если это так, тем большая ответственность ложится на актеров. Почему?

ВСТРЕТИЛ я знакомого режиссера, который сейчас ждет назначения в театр. Он сказал, что ему предложили какой-то город, но ехать туда он не хочет: «Актеры там так себе... Не получится с ними у меня ничего. Ведь артист — это исполнитель». — «А что вы понимаете под этим словом?» — «Ну, исполнитель режиссерского замысла!». Представляете, как может быть перевернуто все с ног на голову? Конечно, мы в равной степени используем слова — артист, исполнитель. «Исполнитель роли обнаружил в своем герое такие неожиданные черты...» — пишут критики. Но значит ли слово «исполнитель» — слепой, механический исполнитель чьей-то воли?

Плохо, когда так считает режиссер. Плохо, если на эту точку зрения встает актер. Тогда пустым, неподготовленным приходит он на репетицию и ждет от режиссера указаний, «от какой пьески танцевать» или какую нейки танцевать. Итог? Каждому зрителю, увы, пришлось видеть такой итог на сцене и на экране.

Я работаю в театре, художественным руководителем которого является народный артист СССР Георгий Александрович Товстоногов. Что мне нравится в его режиссуре? То, что он, увлекая нас замыслом спектакля, всегда дает простор актеру, полную возможность для импровизации, для актерской фантазии. И чем больше актер приносит на репетицию, чем больше он будет сам соавтором, тем, считает режиссер, лучше и для спектакля.

Вот почему мне близки, так радуют меня часто вызывающие недоумение неожиданные назначения на роли у Товстоногова.

Артиста Владислава Стрельчика знали как исполнителя романтических ролей. И кому могло бы прийти в голову, кто мог бы поверить тогда, что он через несколько лет будет играть Цыганова в «Варварах» А. Горького или старика Соломона в «Цене» А. Миллера? Невероятно! А режиссер увидел в нем дар характерного актера. И насколько счастливее стала судьба Стрельчика, когда он раскрылся совсем с иной стороны, насколько он стал богаче как актер, многообразней и интересней.

То же можно сказать о судьбе Сергея Юрского, Ефима Копеляна. И мне в этом смысле повезло. Довольно долго основным моим амплуа было амплуа серьезного героя, подобного Сергею в «Иркутской истории» или Платону в «Океане». И вдруг — назначение на Молчалина в «Горе от ума», а потом — Соленый в «Трех сестрах». И еще неожиданность — Городничий в «Ревизоре». Полная неожиданность! Но когда я перечитал у Гоголя его «Замечания для г.г. актеров», желающих хорошо сыграть «Ревизора», я наткнулся на такие строки: Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, «уже постаревший на службе и очень неглупый, по-своему, человек... говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало...». И нигде не сказано, что весит он 120 кило-

граммов, что у него большие кулаки и толстый нос. То, к чему мы привыкли. И тогда я понял, что решение Товстоногова не было таким уж неожиданным.

Тот режиссер, ждущий своего назначения, сказал мне, что в театре, который ему предложили, нет хороших артистов. Не может такого быть! В любом театре всегда есть хорошие артисты. И пример кинематографии доказывает это.

Кто сейчас не знает Смоктуновского, а ведь у него была очень нелегкая актерская судьба. Долгое время его никто не замечал, играл он что-то в периферийном театре. А начался этот поворот в судьбе актера с фильма режиссера А. Иванова «Солдаты». Увидев его там, Товстоногов пригласил Смоктуновского на роль князя Мышкина в спектакле «Идиот».

Так что актеру очень важно найти своего режиссера, искать и найти человека, с которым ты созвучен в своих творческих гражданственных устремлениях.

КАК ИСКАТЬ? Пока это носит в общем-то случайный характер. Но, вероятно, сейчас уже нельзя рассчитывать только на случай. И вот здесь многое могла бы изменить система студийного образования актеров при театре.

Какая еще опасность подстерегает сегодня актеров? В первую очередь именно тех, кто активно, много работает? Ее можно, мягко говоря, назвать опасностью типажности, я бы назвал — опасностью штампа. Как часто бывает: актер сыграл что-либо удачно, его приметили в этой роли, тут же появляется другая роль, похожая, тоже удачная. А потом еще такая же. И еще. Потом — в кино. Потом на телевидении. И вот живет порожденное поверхностной режиссурой это второе «я» актера, обретшее свою неинтересную жизнь!..

Но эту вину в равной степени делит и актер. Нельзя позволить себе повторяться — это не творчество. Я вспоминаю Давыдова в нашем спектакле «Поднятая целина»: мне он дался слишком просто, был «совсем мой». Значит, что-то было недоработано, значит, исчезал творческий процесс на сцене. Умение актера самостоятельно работать над ролью — вот что требуется сегодня от каждого из нас.

Надо говорить и об ответственности актера при выборе роли. Конечно, артист труппы театра в выборе роли не свободен, но за выбор того, что он играет в кино, актер несет полную ответственность. И на телевидении тоже. Разве не видишь иногда с грустью на телеэкране, как твой товарищ по искусству бездумно повторяет внешнее, найденное им на сцене, но только в худшем, заштампованном варианте.

Актер имеет право выбора играть или не играть, имеет право решать: как играть. Но есть условие, при котором актеру дается это право. Это условие — знание жизни, своего времени, своих современников, не знакомство, а знание, к которому я отношусь и встречи с людьми, и совместную работу, и осмысление увиденного.

В моей актерской практике не было такого, чтобы я кого-то увидел, с кем-то познакомился и стал пытаться играть именно этот характер. Характер героя спектакля рождается во мне от совокупности многих наблюдений, может быть, иногда даже неосознанных. Когда мы репетировали «Океан» А. Штейна, мне очень много дало общение с Владимиром Пирумовым, тогда капитаном III ранга, командиром эсминца. Он был знаком со Штейном. По всей вероятности, драматург, когда писал образ Платонова, многое взял от Пирумова. Я же играл не его, а человека такого типа — человека долга, воинской чести, жестких норм поведения.

Очень важным жизненным этапом оказался для меня фильм «Угрожение огня». Во время съемки мы обменялись впечатлениями с удивительными людьми, о которых потом рассказали в фильме. Все это давало необыкновенный заряд, обогащало нас. Когда мы приехали на Байконур и подошли к ракетам в первый раз, вокруг работали не знакомые нам люди. Потом мы подружились с ними, разговаривали много и о разном. Это не могло пройти для нас, актеров, бесследно. Общение с этими людьми отложило свой отпечаток на картину, на актерское исполнение.

Недавно у нас была встреча с рабочими Ижорского завода. Мы играли в цехе отрывки из разных спектаклей. И от того, видимо, что эта встреча была поведением не формальной, она запомнилась и нам, и ижорцам. Потом я познакомился с бригадиром Николаем Соколовым и с его бригадой. Мне было интересно с ними. И, прощаясь, я решил, что обязательно вернусь к ним снова. Потому что мне интересно и важно знать, чем живут мои современники, что их радует, что волнует.

...Каждый вечер я выхожу на сцену. Выхожу, чтобы зрители видели образы Шаманова, Никола — людей разных эпох, поколений, взглядов, жизненных устремлений. Но встречи с этими образами и характерами должны рождать у зрителей мысли и чувства сегодняшние, мысли о нашем времени, о проблемах, которые мы решаем сегодня. В этом и состоит актерская профессия и призвание. Призвание высокое и ответственное.